

ВЕЛИКИЕ БОРЦЫ ЗА русскую землю

РЗ/980

Димитрий Донской

ОГИЗ · ГОСПОЛТИЗДАТ · 1943

В. Данилевский

рий Донской

I

1378 год.

В Москву к князю Дмитрию Ивановичу прискакал гонец из Рязанской земли.

— Войско великое, княже, на Русь идёт. Мурзу Бегича послал Мамай на земли твои. Города и сёла жгут, людей русских убивают, жён и детей в полон берут. Разорили насильники землю Нижегородскую. Уже топчут кони вражеские поля рязанские. Хвалится Бегич до Москвы дойти, опустошить хочет всю землю Русскую.

Сказал так гонец и тихо добавил:

— А тебя, княже, хоть и не гоже говорить мне, тебя похваляется Бегич на аркане к Мамаю в Орду отвести.

Спокойно слушал грозные вести князь. Знал давно, что час решающий, час расправы с монгольскими ханами, рано или поздно, но должен притти.

— Силен враг,— говорили бояре, узнав про грозную весть, привезённую гонцом,— лют и неистов. Пошлём откуп. Золотом отведём прозу от земли нашей. Не было ещё никому победы над этим врагом. И не нам искать её. Против монгольского хана золото вернее, чем булат.

Усмехнулся князь. Взором орлиным видел далеко вперёд: Усмехнулся и промолвил:

— Примем бой. Время идёт рассчитаться с врагом за долгие годы страданий Руси. Пусть меч нам будет судьёй.

На всей Руси лежало тяжёлое ярмо монгольского ига: Да к тому же ёщё росли междуусобицы среди русских князей. Всем памятно было, как после борьбы князя Димитрия с князем Михаилом Тверским за великокняжеский престол налетели из степи ватаги вражеские опустошать те земли, что посылали в помощь Димитрию ополчение против Твери.

Сердит был тогда хан за то, что Димитрий Иванович ~~во~~ своей волей наводить стал твёрдый порядок на Руси и заставил Михаила Тверского, склонявшегося на сторону Орды, отказаться от притязаний на великое княжение. Лютым гневом наливались глаза ястребиные у Мамая при мысли, что князь Димитрий Иванович стал великим князем и ~~в~~ластно берёт под свою руку всю землю Русскую. Видел хан, что набирает князь Димитрий силу великую, что русские люди скоро преградят путь на землю свою степным насильникам.

Ещё в 1365 году пришлось татарскому хану Тогаю с позором бежать в степи. Летопись о Тогае говорит, что захотел он «воевати Русь и собрався со всею силою своею... и поиде ратью многою на Рязанскую землю...» Захватил тогда Тогай Переяславль Рязанский. Город выжег, мечу и огню предал сёла и волости рязанские. Но напали на Тогая дружины пронские, рязанские и козельские. Пришлось Тогаю бросить всё. Едва успел он с недобитыми остатками ~~уди~~ти своей бежать в степь.

Мамай не раз пытался проучить потом русских за расправу над людьми его.

И вот князь Димитрий решает преградить путь татарским полчищам на Русскую землю. В 1373 году снарядил ~~и~~ и повёл рать свою на южные рубежи. Летописец пишет, что в то время князь московский Димитрий Иванович «собрався со всею силою своею и стояше у реки Оки на ~~р~~езе и татар не пустиша и всё лето там стояше». Долго стоял тогда на Оке Димитрий Иванович, пока татары, не отважившись вступить в бой, не повернули обратно в степь.

Ещё свежа была память о том, как царевич Арапша (Араб-паша) из Синей Орды разгромил наголову нижегородцев, суз达尔цев и москвичей. В сече жестокой с внезапно налетевшим врагом полегло тогда много удалых голов. Напоил враг русской кровью воды Пьяны-реки.

Прошло немного времени, и татары повторили свой набег, на этот раз на Рязанскую землю. У реки Вожи, притока Оки, русское войско встретило врага. Несметные полчища Мурзы Бёгича выстроились по другую сторону реки: Так стояли они день, другой, разделённые рекой. Не вытерпел надменный мурза. Повёл свою рать через Вожу-реку. Горячились боевые кони в стане Дмитрия. Рвались в битву русские воины, поднявшиеся на защиту родной земли. Но терпелив был перед боем горячий в бою князь: Решил он: пусть переходит враг через Вожу, труднее будет ему потом отступать через реку. Татарские полчища ринулись на противоположный берег. Грязнул бой. На правый и левый фланги врага двинулись полки полоцкого князя Андрея Ольгердовича и пронского князя Данилы: В лоб ударили врагу сам великий князь Дмитрий Иванович.

Короток был бой. Враг бежал, дружным натиском смятый и отброшенный за Вожу-реку.

Пришлось тогда усердно поработать и русскому копью и русскому мечу. Заалела вода от крови вражеской.

Бросил враг все шатры и кибитки, бросил телеги свои; много в них награбленного добра нашли русские воины.

Широко растеклась по всей Русской земле слава о князе Дмитрии Ивановиче. Песни стал складывать народ про удалое дело на Воже-реке. Зазвенели струны певцов русской свободы.

— Силен стал Московский князь,— говорил Бегич Ма-маю.— Всех князей приводит под свою власть... Михаилу Тверскому быть бы теперь великим князем, да вырвал у него из рук великое княжение Дмитрий. Олега Рязанского разбил и заставил подчиниться. Всех князей берёт Дмит-

рий под сильную руку свою. А теперь поднимает руку против нас. Берегись, хан! Пойдут за ним люди русские, и конец тогда нашей власти над всеми землями славянскими. Надо бить Димитрия, пока не поздно, бить надо великого князя Московского насмерть.

Решил Мамай жестоко наказать землю Русскую. Поска-кали гонцы събирать против Димитрия рать несметную.

Из приволжских степей и из Дикого Поля стали стекаться к Мамаю воины. Из безбрежных азиатских степей прискакали удальные конники с кривыми саблями. С суро-вых хребтов Кавказа приехалъ под стяг Мамая лихие джигиты. На крепких степных скакунах прибыли ратные люди из Крымской земли. А из самой Кафы (Феодосии) пришли невиданные в степях генуэзские воины, закованные в заморские панцыри. Пришли они из Солдайи (Судака), и из Гурзувиты (Гурзуфа), и из Алустона (Алушты). Послали своих воинов и гордые братья Гуаско, жившие в замке, руины которого и сейчас видны на высоком обрыве в Чобан-Куле.

Монгольская конница наводила страх на все народы с того времени, как удалось ей разбить на реке Калке русских князей и их союзников половцев. Храбро сражались тогда русские, но умело воспользовались монголы междоусобицей русских князей и разбили их каждого по отдельности. А затем Батый, племянник великого хана Угедэ, сына Чингисхана, пошёл со своими воинами на Русь, побывал за Карпатами, залил кровью венгерские и чешские земли.

С тех пор стала земля слухом полниться, что нет такой силы, которая сбросила бы господство монгола там, где прошёл его конь. Непобедимым считали тогда монгольский боевой порядок. Военачальники монгольские накопили большой опыт в построении войск к бою. Впереди у них становился сторожевой отряд-караул. За ним стоял мангтай, или, как теперь мы говорим, авангард. Порой караул и мангтай стояли в бою как одно целое. За ними стоял

центр войска. По обе стороны от центра стояли правое и левое крыло.

Хорошо было организовано монгольское войско. Много хитростей применяло оно в бою. Метко разили противника стрелы, пущенные на всём скаку твёрдой рукой монгольского воина. Лихие конники, они заманивали разгорячённого врага, чтобы затем внезапно разгромить его, растянув его строй, либо наведя на засаду.

Железный порядок был в войске монголов. Беспрекословно подчинялись в бою воины Мамая приказаниям военачальников. Армия Мамая по тому времени могла передвигаться очень быстро. Ни знойные пески пустыни, ни безбрежные равнины, ни крутые горы, ни широкие реки не могли преградить ей путь. Вместе с войском шли и осадные машины.

Велики были силы Мамая. Казалось, ничто не могло их преодолеть. Но зоркий глаз князя Димитрия Ивановича хорошо видел, что много есть слабых мест у врага. Знал Димитрий Иванович, что споры и неурядицы всё сильнее раздирают Орду изнутри.

Знал и Мамай, что многие мурзы, князья хотят уйти из-под его власти. Потому он и готовился так тщательно к походу. Хотел разгромить Русь, поставить на колени непокорного Димитрия и победой объединить распадавшиеся силы Орды. Ему нужна была эта победа во что бы то ни стало. Она должна была решить вопрос, будет жить Орда или нет.

Грозная туча собиралась на низовых приволжских землях против русского народа. С востока и запада, с юга и севера прибывали к Мамаю новые и новые силы.

Звенели в Орде бунчуки¹, украшенные колокольчиками, увитые цветными лентами. Призывающими гремели в степи барабаны и бубны. Сотни тысяч копий поднимались к небу вокруг мамаева шатра.

¹ Бунчук — конский или бычачий хвост, насаженный на украшенное древко.

Триста тысяч воинов насчитали мурзы, когда решили двинуться против Димитрия.

Застонала степь, копытами смятая. Тучей пыль поднялась, когда двинулось бесчисленное войско на Русь. Буйным лесом копий поросли просторы степные от Волги до самого Дона.

Засверкали на солнце шлемы и панцыри монголов, бессерменов, ясов, бургасов.

Клекотали орлы и беркуты, держа путь к Непрядв реке.

Учуяли хищники, что готовится им пир великий, пир, какого ещё не бывало.

И человек и зверь чуяли, что смерть идёт из стана ма-маева.

И вызов смерти принял русский князь.

II

Неторопливо вёл Мамай свою несметную рать. Заключил он договор с литовским князем Ягайлом, прятавником Москвы. Ягайло должен был присоединить свои полки к войску Мамая, чтобы помочь ему разбить Русь.

Нашёл себе Мамай приспешника и на русской земле — чёрного предателя Олега Рязанского. Давние были споры у Олега с князем Димитрием, даже воевать им пришлось за межи. Победил тогда Димитрий Олега и выгнал его из столичного города, из Рязани. Потом, правда, они помирились, но Олег затаил вражду против Димитрия, мечтая усилить свою власть и богатство.

Узнал Олег Рязанский о том, что готовит Мамай поход на Русь, и поспешил послать к нему грамоту:

«Восточномульному великому царю царей, Мамаю, посаженник твой и присяжник Олег, князь Рязанский, мно-

го молит тебя. Я услышал, господин, что ты хочешь итти и грозишься на твоего служебника Димитрия, князя Московского. Теперь, всесветный царь, приспело время злата и многих богатств. Князь Димитрий, как только услышит имя твоё, убежит в далёкие места, или в Великий Новгород, или на Двину, а богатство московское будет в руке у тебя. А меня, Олега Рязанского, раба твоего, сподоби своей милостью».

Так писал предатель Олег, сидевший на рубеже Русской земли, в Рязанском княжестве, по которому должен был итти Димитрий со своим войском навстречу Мамаю.

Олег писал и Ягайлу в Литву и призывал его скорее присоединиться к Мамаю против Димитрия:

«Ты давно хотел прогнать Московского князя и овладеть Москвой. Теперь пришло время: Мамай идёт на него. Соединяйся с Мамаем. Посытай своих послов к нему с дарами. Сам знаешь лучше меня, как поступить».

Ничем не брезгал Мамай в своей ярости против Димитрия. Поднимал всех, кого только мог, против Руси, готовя разгром её, похваляясь превратить в развалины города и сёла, опустошить всю землю Русскую.

Весной 1380 года подошёл Мамай к местам, где река Воронеж впадает в тихий Дон, и послал к Димитрию своих людей.

— Покорись, князь! — говорили послы.— Иди в Орду, бей челом хану. Ещё не поздно, может быть, помилует он тебя. Да бери даров побольше. Пусть блеск золота умилостивит непобедимого Мамая. Только золото бери червонное, что сверкает, как солнце. Помни, что много надо золота, чтобы утишить гнев владыки, против которого ты, дерзновенный раб, осмелился руку поднять. Спасение однотебе: одень рубище, опояши верёвкой шею и ползай и милости проси...

— Прочь! — прервал послов Димитрий.— Прочь с земли Русской! Ступайте и скажите своему хану, что я не казнил вас за гордыню вашу только затем, чтобы вы могли ему,

сказать слово моё. Не боюсь угроз. Одно скажу врагу — иди на брань! Нас меч рассудит.

Летописец рассказывает, что ездил Димитрий за советом к Сергию, основателю Троицкой лавры.

— Почти дарами и честью Мамая,— советовал Сергий князю Димитрию.— Господь увидит смижение твоё и вознёсёт тебя, а его неукротимую ярость низложит.

Но сурово принял Димитрий советы старца, ещё более укрепился он в решении своём итти против Мамая.

Не золотом, а мечом решил Димитрий укротить яость врага. Силен был князь Димитрий нерушимой связью своей с русским народом. Всю жизнь свою посвятил он родной земле, собирая и укрепляя государство Русское. Твёрдо продолжал он дело, начатое дедом его Иваном Калитой, собирателем земли Русской.

Повезли гонцы грамоты по всем землям русским. Созывал великий князь Димитрий всех князей с дружинами, поднимал полки городовые, призывал готовиться к бою и стражу засечную, созывал всех русских людей на великий бой.

Сбор всего войска назначил великий князь в Коломне. Стали сходиться отряды сперва в Москву.

Одним из первых пришёл со своей дружиной в Москву к Димитрию князь Иван Все́володович Холмский, которого прислал от Тверской земли дядя его, князь Михаил Александрович.

Хороша была дружина тверская. Радовали сердце князя воины тверские, испытанные в боях. Но ещё более радовало другое. Ещё совсем недавно князь Тверской был врагом князя Московского и воевал с Димитрием за право великого княжения. Теперь понял князь Михаил, что настало время забыть старые семейные споры, прислал тверичей на подмогу, зная, что время пришло объединить все силы против общего врага, против врага всей Русской земли.

Одна за другой шли дружины в Москву под знамя борьбы за родину, поднятное князем Димитрием Ивановичем.

Пришли в Москву с дружинами своими князья Белозерские Фёдор Семёнович и Семён Михайлович. Привели с своих воинов князья Каргопольский, Устюжский, Ярославский и Ростовский. Пришли с удалыми бойцами князья Серпейский Лев и Прозоровский Роман. Шло в Москву ополчение за ополчением. Посылали города и сёла к Димитрию своих воинов — кто после призыва его, а кто и раньше, по своему почину. Сильна была воля народа защищать родину, силен был Московский князь доверием народа.

Собрались в Москве многие тысячи копейщиков и лучников. Немало съехалось конных отрядов; лучшие из них звались тогда «кованой ратью».

Сверкали на солнце мечи и сабли. Поднимались вверх железные и стальные копья. Немало было и сулиц — коротких метательных копий. Иные воины на плечах несли рогатины, а иные — и ослопы, как назывались палицы-дубины с тяжёлым концом, утыканным железными гвоздями, а то и просто окованым железом.

Поработали в тот год наславу мастера Устюжины Железнопольской и Новгорода, Пскова и Тулы, Москвы и Коломны и других городов русских. Много выпало труда на долю русских оружейников, готовивших оружие и доспехи. Исправляли старые и готовили новые доспехи: дощатые — зерцалы и латы, кольчатые — кольчуги и панцири, смешанные — колонтари. Для защиты рук, плеч и ног ковали сетки кольчужные — бармицы и зарукавья, поножи и наколенники. Много тысяч щитов изготовили в тот год оружейники, великое множество шлемов и шишаков, мисюрок и колпаков для защиты головы в бою.

Много было тогда среди рядовых воинов и таких, чьи доспехи состояли всего лишь из тегиляя — насквозь простёганного каftана, туго подбитого пенькой с добавкой иногда кольчужных и панцирных обрывков.

III

По призыву Димитрия всколыхнулись волны народные: Старинное сказание «Задонщина» так повествует о том времени, когда готовились русские к походу против Мамая:

«В Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской, в Коломне трубы трубят, в Серпухове бубны бьют, на берегу Дуная знамёна стоят, в Новгороде вечевой колокол сзыывает».

Приближался час выступления в поход.

Трёх воевод, трёх крепких оружников послал князь Дмитрий к Быстрой Сосне, приказав разведать, где Мамай, каким путём идёт.

То были Родион Ржевский, Андрей Волосатый и Василий Тупик. Поскали за вестями, и след их простили. Слух прошёл — перебиты. Призвал тогда князь Климента Польенина, Ивана Святослава и Григория Судока и велел им ехать добывать поскорее вестей, чтобы не томиться в неведении.

Оружники встретили Василия Тупика, везшего «языка». Пленный ордынец рассказал в Москве:

— Идёт наш хан, уж близко он. Но не спешит ещё Мамай, ждёт, пока соберутся к нему все, кого он призвал.

Воротились и другие разведчики князя Димитрия, привезли гонцы от воевод, стоявших уже у рубежей земли Русской. Все на один лад сообщали:

— Идёт Мамай на землю Русскую, уверенный в несметных силах своих. Склонился к Мамаю князь Рязанский Олег. И Ягайло литовский стал с Мамаем заодно. Но ещё не спешит Мамай, ждёт осени, когда и кони будут в теле и войска Олега и Ягайлы присоединятся к Мамаю.

Услышал о том князь Димитрий, торопить стал соратников своих. Задумал он разбить Мамая, пока ещё не соединился тот с союзниками.

20 августа 1380 года собрал полки свои, чтобы выступить в поход.

На Красной площади вдоль Кремлёвской каменной стены, Димитрием Ивановичем воздвигнутой, выстроилось перед походом войско его.

Чрез Фроловские, ныне Спасские, ворота выехал великий князь на любимом коне. По правую руку от Димитрия Ивановича ехал храбрый воин, брат его двоюродный Владимир Андреевич князь Серпуховской.

Взором орла окинул Димитрий войско своё. Любовался русскими удальцами, опоясанными саблями, их крепкими и быстрыми конями. Московское летнее солнце весело играло на наборных бляхах коней. Сверкали острия бескрайнего леса копий. Как маков цвет, алели по всей Красной площади покрытые красной краской узорчатые щиты русских.

Горячо призвал князь Димитрий русских воинов разгромить врага, отвести беду лихую от родной земли.

— Лучше нам, братья,— говорил Димитрий,— положить головы свои, чем допустить, чтобы поганые взяли города наши, опустошили церкви и рассеяли нас по лицу земли. Не допустим, чтобы жёны и дети наши были отведены в плен на томление от поганых. Постоим за землю Русскую, разобьём врага!

Ответили князю воины:

— Мы поклялись положить жизнь свою, служа тебе и родине!

Затрубили трубы ратные, загремели бубны и варганы. Ржанье коней заглушило топот тысяч ног.

Двинулось ополчение на Коломну, чтобы оттуда вместе со всеми людьми русскими ити на смертный бой к Донуреке.

Предание говорит, что в тот день собирались в златоверхом тереме княгиня Евдокия и воеводские жёны, глядели через слюдяные оконницы вслед мужьям своим. Говорила тогда Евдокия, заливаясь слезами:

— В последний раз смотрю я на князя своего!

Знали все русские женщины, что пошло войско на такой бой, какого ещё не бывало, знали, что много голов ляжет в неравном бою. Знали и благословляли шедших победить или умереть за родину.

За несколько вёрст до Коломны, у устья реки Северки, что впадает в Москву-реку, встретили князя Димитрия воеводы полков, собравшихся в Коломне.

В Коломне ждали великого князя полки: Переяславский — с воеводой Андреем Серкизом, Юрьевский — с воеводой Тимофеем Балуевичем, Костромской — с воеводой Иваном Родионовичем, Мещерский — с воеводой князем Фёдором Елецким, Муромский — с князьями Юрием и Андреем, Коломенский — во главе с воеводой Микулой Васильевичем.

Въехал Димитрий в Коломну и назначил на следующий день смотр всем силам, поднявшимся на борьбу с Мамаем.

На том месте, где сейчас Девичье Поле, выстроилась 24 августа русская рать. Ещё никогда не собиралась на Русской земле такая сила, какую поднял против Мамая князь Димитрий.

Димитрий Иванович, однако, хорошо знал, что хоть и велики его силы, но у Мамая — вдвое больше.

И выбрал Димитрий единственный возможный путь к победе над превосходящим силой врагом. Он решил выступить быстро из Коломны и напасть на Мамая, пока тот не успел соединиться со своими союзниками.

Построил князь войско своё в походный порядок. Впереди шёл передовой полк, за ним двигались главные силы, прикрытые с тыла.

26 августа выступило русское войско из Коломны. Повёл его Димитрий не прямо навстречу Мамаю. Слишком близко проходил прямой путь от Рязани, откуда изменник Олег мог ударить в левый фланг войска Димитрия и тем самым задержать его движение. Не страшен был Олег, страшна была задержка. Для прикрытия от Олега Димитрий послал заслон. Главные силы двинулись из Коломны

не на юг, навстречу Мамаю, а на юго-запад. Перешли через реку Оку примерно в 130 километрах от Коломны.

Только от переправы повёл Димитрий войско своё на юг, отклоняясь лишь немного к востоку.

В пути подошли ещё полки к войску Димитрия. Привёл их храбрый Ольгердович, князь Андрей, из Пскова. Вместе с ним пришёл и другой Ольгердович, князь Димитрий, с брянскими и трубчевскими воинами.

5 сентября Димитрий был с конницей у берега Дона, против устья Непрядвы-реки.

Прискакали из дозорных полков Пётр Горский и Карл Олексин.

— Мамай стоит уже на Дону, — говорили дозорные. — До Кузьминой гати дошёл. Ожидает к себе Ягайла и Олега.

— А силы сколько у него?

— Силы мамаевой, княже, и перечесть нельзя.

Задумался князь. Сошлись брови на челе, но твёрдо легла рука на рукоять меча.

Посылать велел гонцов к полкам, что шли к Дону: Пусть скорее идут, пока не успел соединиться Мамай со своими приспешниками.

Знал Димитрий, что Мамаю осталось ещё три перехода до Непрядвы, а его полкам оставалось только два.

Как приказал князь, так и сделали.

7 сентября сошлось всё воинство русское на берегу Дона, против устья Непрядвы-реки.

Успел великий князь опередить врагов своих. День и ночь без отдыха шло войско Димитрия, сделав переход свой в тринадцать дней. Никому и никогда ещё не приходилося так быстро вести стопятидесяттысячную рать.

Опоздай полки Димитрия только на один день, и ему пришлось бы вести бой против объединённых сил врага.

Твёрдо помнил Димитрий Иванович, что у Мамая сил здвоё больше, чем у него. Помнил о том и решил обеспечить себе перевес.

Всё учёл, всё продумал, ведя свои полки на смертный бой.

Настал час готовиться к битве, и решил биться с врагом Димитрий Иванович на поле, которое он сам выберет.

Собрал великий князь всех своих воевод на совет в вечерний час.

Притихло в тот вечер русское войско, зная, что решается судьба родины.

Перед русскими был тихий Дон, за Доном — Мамай. Себрелись вдали Непрядва. В прозрачной вечерней тишине чуть доносилось посвистывание куликов с задонских просторов, окаймлённых Непрядвой и Доном. Даже ветер притих в речных камышах.

Держал Димитрий совет с воеводами.

Говорили Ольгердовичи, и им вторил воевода Волынский Боброк:

— Если хочешь боя крепкого, вели сегодня же переходить через Дон. Пусть без хитрости бьётся всякий, пусть не думает о своём спасении, а глядит, как муж, смерти в глаза. А что, говорят, у Мамая силы велики, то что на них смотреть.

— Надо здесь ждать врага, — говорили иные. — Итти через Дон нельзя. Думать надо ведь и о том, что будет, если перейдём Дон и нас, от чего боже сохрани, потеснит Мамай. Как тогда через Дон отходить? Ратнику биться не гоже, зная, что река у него за спиной. Пусть идёт Мамай через Дон, встретим здесь его. Удержим себе путь назад.

Молчалив был Димитрий. Внимал спокойно речам воевод. А когда стихли речи, поднялся и молвил:

— Друзья и братья! Ведайте, что привёл я вас не за тем, чтобы реку Дон стеречь. Привёл я рать, чтобы землю Русскую от плена и разорения избавить или голову свою за всех положить. Смерть честная лучше, чем худая жизнь. Краше было бы не итти против поганых, чем притти и стоять, ожидая, когда враг сам нападёт на нас. Не буду ждать врага, пойду навстречу ему. Ныне же — за Дон!

Либо там победим и всё от гибели сохраним, либо сложим головы свои. Один нам путь остался! Вперёд, за Дон!

Под покровом ночи полки стали переходить через Дон на правый берег.

Прискакали в тот час дозорные из-за Дона, где уже руялись с врагом сторожевые отряды Семёна Мелика. Доносили князю Дмитрию Мелику:

— Все силы тёмные, силы всех князей своих Мамай ведёт на нас. Правым берегом идёт вверх по Дону, дошёл уже до Гусиного Брода. Только ночь одна между нашими и их полками. Нападёт на нас завтра несметная сила Мамая. Готов будь к бою, княже!

IV

Тёмным покровом покрыла сентябрьская тёплая ночь землю.

С воеводой Боброком Волынским поехал князь Дмитрий выбирать поле для боя.

Славен был Боброк-воевода. В долгие зимние вечера рассказывали ратники московские, суздальские и нижегородские, как ходили они вместе с Боброком в 1376 году за Волгу, к Казани. Вышли тогда казанцы русским на встречу. Стреляли из луков и самострелов.

Рассказывали ратники, как выезжали казанцы в бой на верблюдах: думали, что устрашатся кони русские невиданной верблюжьей рати. Вспоминали, как тогда из города невиданный гром пустили, страшна русское воинство. Да не привело всё это ни к чему. Победил Боброк, загнал в Казань и лучников и верблюжатников и сдаться заставил. Пришлось казанцам на мир, постыдный для них, итти, да ещё заплатить великий для тех дней выкуп — пять тысяч рублей.

Таков был крепко закалённый в боях Боброк Волынский, что ехал рядом с князем Дмитрием на боевом коне.

Ночной туман прикрывал казавшееся бескрайним Куликово поле. Чуть серебрились во тьме узкие ленты Непрядвы и Дона. На северном берегу реки Смолки только намечались вершины рощи Зелёной дубравы.

Видел князь Тимитрий, что воинам его с Куликова поля, будь что будет, а отступать не придётся.

— Смерть или победа! — сказал князь Боброку:

Решил Димитрий перегородить своими полками дугу Дона и Непрядвы. От ручья Смолки, что у Зелёной дубравы, решил поставить полк левой руки. По середине поля выбрал место большому полку, а от большого полка до ручья Нижний Дубяк должен был стоять полк правой руки. Решил князь иметь в тылу своей рати овраги и обрывы речные, чтобы не мог враг обойти с края и ударить его войско в бок или в тыл. Выбрал поле для битвы так, чтобы трудно было развернуться вражьим полкам.

Впереди решено было поставить — как бывало всегда в боях того времени — сторожевой полк, а сзади, за всеми полками, — запасный.

Долго стояли князь Димитрий и Боброк Волынский да порешили ещё хитрость одну применить — увести отборный засадный полк и скрыть его за густой зеленью дубравы, что была на левой руке сзади Смолки-реки.

В народе сохранилась легенда про ту ночь, когда Димитрий с Боброком объезжали поле Куликово, готовясь к битве. Говорили люди, будто был Боброк не только воин великий, но и веший человек. Наивная фантазия народа наделила Боброка волшебными свойствами. Говорили, что открыл он тогда князю приметы, по которым узнал тот, что его ожидает.

Остановились будто князь Димитрий и Боброк посреди поля Куликова.

— Оборотись, княже, — сказал Боброк, — оборотись к вражьей стороне и слушай!

И услышали будто с той стороны князь и Боброк крики

воинов и стук мечей, трубные звуки и завывание волков, карканье воронов и клёкот орлов.

И спросил тогда Боброк Дмитрия:

— Что слышишь?

— Страх и гроза,— ответил князь.

— А теперь,— сказал Боброк,— обратись, княже, в нашу, русскую сторону и скажи, что слышишь?

— Не слышно ничего,— ответил князь.— Великая тишина стоит над Русской землём. Только будто видно мне зарево от великих огней.

Сказал тогда Боброк Дмитрию:

— Добрые то приметы, за нами будет победа:

Великое тогда испытание пришлось выдержать русским людям, и наделил народ героев своих вещими чертами. В древней Руси народ толковал по-своему, наивно, события тех грозных дней, когда против каждого русского стояло двое супротивников, ещё не знавших ни от кого поражения. Так передавал народ про дела той ночи, когда в её черной гъмье загаялся враг.

«Бысть тьма великая тогда по всей земле»,— говорит летописец.

Настало утро восьмого сентября тысяча триста восемидесятого года.

Под покровом густого тумана стало строиться войско русское. Заняли полки свои места. Большой полк, в который влились основные силы, приведенные Дмитрием, стал по середине поля под великим стягом князя Дмитрия. Во главе полка правой руки стоял князь Андрей Ольгердович, а во главе полка левой руки — князья Белозерские. Заняли указанные Дмитрием места передовой и затыльный полки. В тумане неприметно отвели Боброк и князь Владимир Андреевич Серпуховской свой засадный полк за Зелёную дубраву.

Расставляя свои полки, князь Дмитрий всё рассчитал, всё учёл. В надёжные руки испытанных военачальников и воинов вверил он великое дело ратное.

Пригрело солнце, стал таять туман:

Засверкал на солнце меч Дмитрия. В последний раз перед битвой обхаживал он полки, призывая лечь костьми, но не дать врагу поганить землю Русскую.

Ещё и ещё раз проверил всё перед боем князь, а проверив, велел дать себе одежду простого воина. Первым стал он в первом ряду, чтобы показать воинам своим, как надо бить врага.

Верен был Дмитрий Иванович древнему обычаю: быть князю впереди и первым открывать бой.

Одежду княжескую одел его любимец Бренк и стал под великим стягом велиокняжеским в большом полку.

Как туча, спускалась с холмов несметная рать мамаева. Стеной шли враги. Середину боевого порядка занимала пехота. На плечи шедших впереди воинов положили задние длинные копья свои. Сверкающие острия сливались в сплошную завесу, через которую, казалось, нельзя было никому прорваться.

На обоих крыльях, с правой и левой руки, шла прославленная степная конница, сметавшая всё на своём пути.

Далеко в тылу, на высоком Красном холме стоял Мамай. Перед ним расстипалось поле Куликово, Дон и Непрядва, виднелись задонские дали. Грозный хан надеялся обратить в бегство русские полки.

Сошлись уже близко войска и приостановились. Как говорит предание, выехал тогда из вражьих рядов богатырь, роста невиданного, силы неслыханной. Вызывал богатырь на бой храбреца, достойного померяться силой с ним. Грозен был вид богатыря.

— Кто пойдёт против меня?! Выходи на бой!

Не сразу нашёлся среди русских воин, отважившийся на единоборство.

Но вот навстречу богатырю поскакал монах Троицкого монастыря Пересвет.

На всём скаку налетели друг на друга. Зазвенела сталь, пали оба замертво.

Увлекая воинов своих, ударил Димитрий первым на врагов.

Говорят певец древней «Задонщины» про славу победителя Донского:

«То не ястребы и соколы, и не кречеты белые, перелетев быстро за Дон, ударили на многие стада гусиные и на лебединые. То наехали князья русские и богатыри на великие силы татарские и ударили копьами харалужными о доспехи татарские. Загремели мечи булатные о шеломы ханские на поле Куликове, на речке Непрядве».

Направил сперва силы свои Мамай на середину русской рати. Стойко встретил передовой полк могучий натиск.

«Ломались тогда копья, как солома,— говорит летописец,— падали стрелы дождём, закрыла пыль солнце, молниями сверкали мечи. Падали люди, как трава под косой, лилась кровь, как вода, и ручьями текла».

Прошли столетия, но певцы славы русской не раз возвращались к этому грозному часу, когда решалась судьба родины. Рылеев в 1825 году в своей «Думе» о Димитрии Донском писал:

...Рек Дмитрий на челе полков,
— Умрём, когда судьба судила!! —
И первый грязнул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз скрыли,
И мрак простёрся по полям.
Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зелёный побагровел дол:
Там русский поражён врагами,
Здесь пал растоптанный монгол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч,
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

На Куликовом поле Мамаю негде было развернуть свою конницу. Правильно выбрал русский князь место для боя. Сорвался удар врага, направленный в центр русской рати.

сорвался загем и испытанный приём его — обойти крылья противника, ударив с фланга и в тыл. Русские полки левой и правой руки упирались в овраги и обрывы Смолки и Дубяка.

Велик был численный перевес врага, стремительно врезавшегося в строй большого полка. Но прорвать строй его всё же не под силу было врагу. Сдержали русские воины ураганный написк татарской рати, убит был только Бренк.

Мужественно бились русские воины передового полка.

Славно рубился и полк правой руки во главе с князем Андреем Ольгердовичем. Полк этот не только не дал теснить себя, но и сам теснил врага.

Зато трудно пришлось полку левой руки. Видя, что середина и правый фланг твёрдо стоят, бросил Мамай против левого фланга русских все силы, что держал он в запасе для подмоги в бою. Отражая сильный написк врага, полк левой руки истекал кровью. Жестокая сеча была у большого полка и полка правой руки, но такой, какая вскипела у полка левой руки, ещё не было на поле браны.

«Сказание о побоище великого князя Димитрия Ивановича Донского с нечестивым царём Мамаем», сложенное в XV веке, говорит:

«Звенят доспехи злачёные, стучат щиты червлённые. Гремят мечи булатные, блестают сабли острые около голов молодецких. Льётся кровь богатырская по сёдлам кованым, и катятся шлемы позлащённые коням под копыта».

Таяли ряды полка левой руки. Убиты были князья Белозерские, стоявшие во главе полка. Всё стремительнее и упорнее стали теснить здесь русских вражьи конники, готовясь ударить в бок и погнать рать русскую. Но там, где навалилась самая грозная сила врага, там князь Димитрий со своей ратью подготовил внезапный удар для неё.

Притаился за Зелёной дубравой зasadный полк.

— Беда великая! — уж давно говорил молодой князь Владимир Андреевич Боброму.— Кому пользу несёт наше стояние? Ударим, теперь же ударим на врага!

— Великая беда, княже,— отвечал Боброк.— Великая беда, да ещё не настал наш час. Кто не в пору начнёт, той приносит себе беду. Помолчим и постоим ещё, пока ни прийдёт нужный час. Ударим тогда на врага.

Горячились люди, горячились и кони. Боброк удерживал порыв.

Всё неистовее обрушился враг на воинов полка левою руки. Разгорячённые удачей, враги врубились в русские ряды, били уже и в лоб, и в бок, и в тыл, охватили левое крыло русской рати и наступали, становясь спиной к Зелёной дубраве.

— Час наш настал! — закричал тогда Боброк — Поднимайтесь, люди русские! Бейте насмерть врага!

— За Русь! За родную землю!

Дрогнули листья дубравы от могучего крика засадного полка. Вихрем налетели конники, ударили в тыл зарвавшимся врагам. Смешался вражеский строй, воспрянули новой силой залитые кровью русские воины. Безудержно вспыхнула сеча от Смолки до Дубяка.

— Беда нам! — закричали ордынцы.— Русь перехитрила нас. Худых мы побили, а лучшие теперь обрушились на нас!

Дрогнули ордынцы, дрогнули и побежали. Куда девалась сила несметная Мамая? Было войско отменное, стало — толпа. Врезались в неё русские, били вправо и влево, били в лоб и тыл. Бросали оружие ордынцы, ища спасения в бегстве. Настигали их русские, и снова взлетали мечи. Не было отступления, было бегство.

С высоты Красного холма увидел всё Мамай. Увидел и понял, что осталось одно — бежать, бежать неистово, без сглядки.

Бросил Мамай войско своё и первым ускакал.

Кто успел, за ним бежал, оставив оружие и доспехи, ещё больше ордынцев легло костьми. Летописцы говорят, что полегло в тот день на поле браны из рати Мамая сорок пятьдесят тысяч.

До самой реки Красивой Мечи преследовали и истребляли русские воины тех, кто отважился покуситься на Русскую землю. И с той поры поняли русские люди, что они могут скинуть с себя татарскую неволю.

Славила своего героя, своего вождя вся русская рать: С Ягайлом воевать не пришлось: как узнал о великой итве, сам бежал. Убежал в Литву и Олег-предатель.

Шло к Москве русское войско, а перед ним слава предела.

От Дона до Кремлёвской стены встречал народ своих победителей. Славили воинов, славили воевод. А больше всех славили князя Дмитрия Ивановича.

К Куликову полю вёл он рать как великий князь, а в Москву вернулся как Дмитрий Донской.

Так назвал народ победителя, чия его заслугу великую перед русским народом.

* * *

Мужественный образ Дмитрия Донского и его ратные подвиги не забыты потомками. Прошли столетия, но слава о Дмитрии Донском, нанесшем смертельный удар по врагу, не померкла.

7 ноября 1941 года в речи на Красной площади в Москве товарищ Сталин назвал имя Дмитрия Донского в числе имён других великих предков наших, вдохновляющих доблестных бойцов Красной Армии в борьбе с полчищами немецко-фашистских захватчиков. Недалеко то время, когда наша героическая Красная Армия окончательно уничтожит грабительские орды гитлеровцев, как в своё время храбрая русская рать князя Дмитрия Донского уничтожила орды хана Мамая, посягнувшего на землю Русскую.

30 коп.

Подписано в печать 4 ноября 1945 г. Объём % печ. и.
319. Тираж 250000 экз. Заказ № 2809. Цена 30 коп.

Тип. газеты, г. Москва, ул. «Правды», 24.